Константин Ломиа

Продолжение встречи

Стихи и поэма

Авторизованный перевод с абхазского

Советский писатель. Москва. 1971

Константин Ломиа — поэт светлых красок и настроений, жизнерадостного мировосприятия. Его лирика вызвана солнечными пейзажами Абхазии, душевным здоровьем ее тружеников. Любовное внимание поэта к народной жизни, к ее укладу, к характерам и обычаям земляков — постоянная черта поэзии Константина Ломиа, источник его вдохновения.

Чуткость к интересной детали, умение подметить выразительную подробность пейзажа делают его лирику яркой и живописной. Сборник «Продолжение встречи» — третья книга поэта, переведенная на русский язык.

Художник М. В. ЭЛЬКОНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

- Мое дерево. *Перевел С. Куняев*
- Апсны. *Перевела Р. Казакова*
- Горы и море. *Перевел С. Куняев*
- «Солнце встает...» *Перевел С. Куняев*
- «Мы на утлой лодчонке плывем...» *Перевел С. Куняев*
- «Мтацминда...» *Перевел С. Куняев*
- «Стою на мосту...» *Перевел С. Куняев*
- «Одни свою весну...» *Перевел С. Куняев*
- «Я на сырой земле засну...» *Перевела Р. Казакова*
- «Земля для семени распахнута...» *Перевела Р. Казакова*
- Апрель. *Перевела Р. Казакова*
- Поток. *Перевела Р. Казакова*
- Ты во мне. *Перевела Р. Казакова*
- «Зима медведем белым...» *Перевел С. Куняев*
- «Опять наступает весна...» *Перевел С. Куняев*
- «Спустилась ночь на побережье...» *Перевел С. Куняев*
- «Вот и выгорела трава...» *Перевел С. Куняев*
- «Ветви деревьев шевелятся...» *Перевел С. Куняев*
- «Разучилась смеяться природа...» *Перевел С. Куняев*
- «Сентябрь...» *Перевел С. Куняев*
- Сумасшедший ветер. *Перевел С. Куняев*
- «Улетают птицы суетливо...» *Перевел С. Куняев*
- «Вершины гор...» *Перевел С. Куняев*

- «Из колодца я поднял бадью...» *Перевел С. Куняев*
- Белые пчелы. *Перевел С. Куняев*
- Вечерняя зима. *Перевел С. Куняев*
- «На белой вершине...» *Перевел С. Куняев*
- «На темный гребень...» *Перевел С. Куняев*
- «Скрылось за гору солнце...» *Перевел С. Куняев*
- «А звезды — почти что как люди...» *Перевел С. Куняев*
- «Море спит в своей мягкой постели...» *Перевела Р. Казакова*
- «Когда беда тебя найдет...» *Перевел С. Куняев*
- Абхазская свадьба. *Перевел С. Куняев*
- Ахардан. *Перевел С. Куняев*
- «Ах, кто не любит виноград абхазский!..» *Перевела Р. Казакова*
- Памяти Алексея Ласуриа. *Перевел С. Куняев*
- «О поэт!..» *Перевел С. Куняев*
- Песня поэта. *Перевел С. Куняев*
- «Песня влетела в окно...» *Перевел С. Куняев*
- «Скал немые громады...» *Перевел С. Куняев*
- Солнце заходило, солнце вставало. *Перевел С. Куняев*
- «Давно ли виделись с тех пор?..» *Перевел С. Куняев*
- «Звезда ли в небе загорится...» *Перевела Р. Казакова*
- Вздыхает море недовольно...» *Перевел С. Куняев*
- «Каждое утро...» *Перевел С. Куняев*
- Не хотела нарушить покой. *Перевел С. Куняев*
- «Ты бродишь по горам. Ты пьешь настой...» *Перевела Р. Казакова*
- «Облака по небу расползлись...» *Перевел С. Куняев*
- След молнии. *Перевел С. Куняев*
- «Как будто вражеский десант...» *Перевел С. Куняев*
- Мороз. *Перевел С. Куняев*
- «Сам себе улыбнешься не часто...» *Перевел С. Куняев*
- «Стихотворенье родилось...» *Перевел С. Куняев*
- Для себя... *Перевел С. Куняев*
- «Апсны, Апсны!..» *Перевел С. Куняев*
- «Радость открытий...» *Перевел С. Куняев*
- Река. *Перевел С. Куняев*
- «Стал я...» *Перевел С. Куняев*
- «Я шел среди скалистых круч...» *Перевел С. Куняев*
- «Эти горы высоко взнеслись...» *Перевел С. Куняев*
- Видения в пещере Абраскила. *Перевел С. Куняев*
- Четверостишия. *Перевел Я. Козловский*
- Корень. *Перевел С. Куняев*
- Крестьянин из Лдзаа. *Перевел С. Куняев*
- Надежда. *Перевел С. Куняев*
- Мать («Как бьется сердце...»). *Перевел С. Куняев*
- Без вести пропавший. *Перевел С. Куняев*
- «Да, немало сдержали мы слез...» *Перевел С. Куняев*
- «Помоги человеку...» *Перевел С. Куняев*
- «Двор опустел...» *Перевел С. Куняев*
- «Под утро снился мне тяжелый сон...» *Перевел С. Куняев*
- Любовь и родина. *Перевел С. Куняев*
- Свобода. *Перевел С. Куняев*
- «Как солнца ты ждала, земля!..» *Перевела Р. Казакова*
- Хлеб. *Перевела Р. Казакова*

ПОЭМА

- С именем в сердце. *Перевел С. Куняев*

СТИХИ

МОЕ ДЕРЕВО

Осеняя тенью целый двор,
дерево стоит и не стареет.
И зимой и летом с давних пор
ни один листок не пожелтеет.

Не бывает пестрого ковра
под его зеленою листвою,
и хозяйке моего двора
нет заботы хлопотать с метлою.

Ствол его и строен и высок.
Годы шли. Столетья пролетали...
Землю, где не старится листок,
родиной отцы мои избрали.

АПСНЫ*

Ты — звук, что лучшим словом стать спешит,
Срываясь с губ признанием высоким.
Зерно моей любви принадлежит
Твоей земле, ее вбирает соки.

Ты — кровь, что вены наполняет мне,
Как наши реки — горные долины.
Ты — голос сердца в чуткой тишине.
Ты — жгучей жажды зов неутолимый.

Ты — посох, без которого едва ль
Могу я путь пройти, что мне отмерен.
Веди меня издалека и вдаль —
Тебе я верен и в тебе уверен.

Ты — дом, дарящий с детства мне уют.
Ты — крыша, под которой так надежно.
Улыбкой горы надо мной встают —
Им не ответить тем же невозможно!

Ты — совести спасенье и узда.
Ты — гордости незримая твердыня.
Ты — та звезда, что счастьем навсегда
Зажглась во мне и повторится в сыне.

Ты — всё, о чем в печальном далеке
Твоя душа у душ людских просила.
Ты — капелька прозрачная в реке
С таким просторным именем: Россия.

Рожденная с рождением весны,
В ней разминувшись с горестным минувшим,
Живи, моя страна, моя Апсны,
Страна души, где так прекрасно душам!

_____

** Апсны — Абхазия, буквально — страна души.*

ГОРЫ И МОРЕ

Как будто жил всю жизнь на корабле,
как будто рос в семействе капитана —
хоть я и предан матери земле,
я море вспоминаю постоянно.

В любое время — ночью или днем,—
в чужих краях иль у крыльца родного
я неустанно думаю о нем,
о нашей встрече вспоминаю снова.

Был знойный день.
Полуденной порой
мы с гор сошли дорогой раскаленной,
и я увидел голубой прибой,
и с той поры я в эту синь влюбленный.

Ночуют звезды на вершинах гор,
но мы не только детища нагорья,
мы понимаем моря разговор,
Абхазия — страна большого моря.

Как девушку без зеркала нельзя
представить — так и море, очевидно,
без гор не существует, и стезя
единая их вяжет воедино.

Я, поднимаясь в горы, каждый раз
гляжу на них, увенчанных снегами,
вокруг меня, раскинувшись, Кавказ
сияет голубыми ледниками.

И нити рек, ущельями блестя,
шумят, бегут к своей далекой цели,
и море пьет, как малое дитя,
грудное молоко земных ущелий.

Я говорю и не жалею слов,
но не сказал я самого простого:
мне повелела говорить любовь,
я все сказал и умолкаю снова.

Немногословен гордый мой народ.
Но глубоки его любви истоки.
Моя земля — моей любви оплот,
прими мои бесхитростные строки!

* * *

Солнце встает из-за наших гор.
На нашем небе оно горит.
Для нас весь день пылает костер
За нашим морем солнце спит.

От синих гор
И до красных гор
Твои, Абхазия, две зари
Венчают день. И кто говорит,
Что ты мала?..
О чем разговор?

* * *

Мы на утлой лодчонке плывем —
не поймешь —
то ли в небе, то ль в море,
в мировом бесконечном просторе
мы летим, растворяемся в нем.
А навстречу, на солнце искрясь,
проплывают красавицы рыбы,
существа,
что наладить могли бы
между нами и вечностью связь.

* * *

Мтацминда...
Безусловно, здесь
заметней близость небосвода.
Внизу Тбилиси, как он есть,
весь от заката до восхода.
Ты,
легендарная гора,
пристанище родных поэтов!
Здесь коротали вечера

и Николоз и Грибоедов.
Отчетливо и далеко
отсюда все просторы видно,
и вдохновение легко
приходит на горе Мтацминда.
Скажу без льстивой шелухи,
к которой многие привыкли:
вот здесь грузинские стихи —
из лучших лучшие —
возникли.
Столица светится окрест
лучами дружбы и привета,
и кажется,
что это блеск
стихов, а не электросвета!

* * *

Стою на мосту
Над рекой Келасури.
В глубоких расщелинах гор
Свирепые волны — изгнанники бури —
Ведут нескончаемый спор.

И в гневе таскают друг друга за косы,
Теснят, как врага, берега.
Сшибаются лбами, как горные козы,
Свои не жалеют рога.

И с камня на камень,
Волна за волною,
Поток разъяренный летит.
А Черное море в ленивом покое
На них, улыбаясь, глядит.

* * *

Одни свою весну встречали летом,
Когда от зноя трескалась земля,
Другие — с зимним медленным рассветом,
Когда продуты холодом поля.
А третьи — той осеннею порою,
Когда цвела под окнами печаль.
А я свою весну встречал весною,
Когда зеленым ветром пела даль.

* * *

Я на сырой земле засну —

Меня не испугает это.
И я не укорю весну
За сырость мартовского ветра.

Мороз не нагоняет страх,
Пусть и легка моя рубаха.
Стою над пропастью в горах —
И не испытываю страха.

Хоть навевает песня грусть,
Когда она о смертном горе,
Но я не очень-то боюсь
И горя, коль случится вскоре.

Но ощущаю тяжесть век
И холод пустоты печальной,
Когда холодный человек
Мне повстречается случайно.

* * *

Земля для семени распахнута
Всем естеством и всем нутром.
Чтоб проросло оно, распахана
Земля надеждой и добром.

Храню, как самое заветное.
Завет отцов в своей судьбе,
Чтоб правды семя неприметное
Я, как земля, взрастил в себе.

* * *

Так бывает в апреле:
Улыбаясь весне,
Небеса подобрели,
Снег растаял везде.

Из земли, из расселин
На телах серых скал
Рвется первая зелень —
Новых дней пьедестал.

Мир наполнен, как чаша
Теплым, добрым дождем...
Человек величайший
Был в апреле рожден.

ПОТОК

Меня почти сбивает с ног
Летящий с ледника поток.
Вцепился в икры крепко.
В его руках я — щепка.

Дитя крутых, высоких скал,
Дороги вниз он не искал:
Без страха в бездну — пенной
Струею дерзновенной!

Он так безжалостно спешит,
Что горы целые крошит,
Деревья обижает,
Им корни обнажает.

Приятель старый мой, сосед,
От вечных драк уже он сед.
Но с прытью молодою
Горд пеною седою.

Он так сказал недавно мне:
«Вам не в пример, я сед к весне
И сил особых полон...
Что, человек, ты понял?!..»

ТЫ ВО МНЕ

Абхазия, тебя весна окрасила,
Как яблоко на ветке, нежно-ало.
Вся жизнь моя — песнь о тебе, Абхазия,
Но, сколько ни скажу, все будет мало!
Абхазия, забыть способен разве я
В других краях, по-своему прекрасных,
Твоих долин и гор разнообразие,
Всю синь озер, всю мощь закатов красных...
Абхазия, твой берег так целителен,
Твоя лоза живою кровью полнится...
Будь я тончайшим красоты ценителем,
Другой такой еще мне не припомнится!
Абхазия... Европа или Азия,
Рев океана иль ручья журчание,—
На всех путях лишь ты во мне, Абхазия,—
Мой первый крик, последнее молчание.
Абхазия, о, вечно в первом классе я,
И по слогам, несмело, неумело,
Робея от любви, пишу: «Абхазия» —
Осколком снежных гор — кусочком мела.
Все твои тропы, не страшась, облазил я,
Все твои речки сестрами нарек.
Я ученик прилежный твой, Абхазия.

Веди свой нескончаемый урок!
Все, что беру в твоей щедрейшей кассе я,
Не промотаю и верну сполна!
И у меня, как у тебя, Абхазия,
Четырежды в году — одна весна.

* * *

Зима медведем белым
на гору взобралась,
своим громадным телом
на скалы улеглась.
Хотелось бы в долину
ей проложить пути,
такую холодину
с собою принести!
Пока она в сомненьях
решает, что и как,—
приметы дней весенних
возникли на глазах.

* * *

Опять наступает весна.
Опять ее шумные воды
уже пробудили от сна
дремавшее тело природы.

Очнулись от спячки кусты,
и, полные жизненной силы,
сквозь залежи палой листвы
пробились зеленые иглы.

Опять наступает весна...
Стоит алыча на закате,
одетая, как медсестра
в сверкающем белом халате.

Все громче лепечет ручей,
и роща меняет обличье,
все шире, все яростней в ней
звучит воркование птичье.

Опять наступает весна...
В поступках, в желаньях, во взглядах
повсюду ее новизна,
веселый ее беспорядок.

* * *

Спустилась ночь на побережье,
причалил ветер к берегам,
зашелестел по деревам,
стоящим в праздничной одежде.
Ворчанье грома донеслось
откуда-то из-за Кодора...
А вскоре —
вскоре началось!
Стихии накопили злость
и встретились для разговора.
Внезапно вспыхнул синий свет,
и дождь на молнию во гневе
сквозь брешь,
распоротую в небе,
как из ведра полил в ответ!
... Я вновь забылся над строкой.
А в поздний час,
когда очнулся,
в округе царствовал покой
и синий свет луны тянулся
над обессиленной землей,
над купами дерев зеленых,
притихших,
умиротворенных,
омытых влагой дождевой...

* * *

Вот и выгорела трава...
Кукурузные листья пожухли.
Без движенья стоят дерева,
и земля горяча,
словно угли.
Но послушай:
откуда-то с гор
вдруг доносится звук разговора.
Это значит — спасительный гром
разворчался в верховьях Кодора,
угрожая июльскому зною:
— Берегись!
Я прибуду с грозою!

* * *

Ветви деревьев шевелятся,
что-то бормочет листва.
Меленький дождичек сеется,
по-над землей пелена.

Однообразно и медленно
льет дождевая вода.
Нити с карнизов серебряно
тянутся, как провода.

Но непогода ненадолго:
вот и проходит она.
А над землею — не радуга
вышла из тьмы, а луна.

Пряжа сырая и лунная
тянется к нам с высоты.
Дремлет округа безлюдная,
и расцветают цветы.

* * *

Разучилась смеяться природа,
и, склоняя ее к забытью,
во дворы ворвалась непогода,
заскрипели калитки вовсю.
Пожелтели зеленые лозы,
почернел отцветающий сад...
Дунет ветер — и желтые слезы
вслед за ветром далеко летят!
А в саду — то затишье,
то трепет.
Погружаясь в глубокие сны,
остывают растенья,
но терпят,
знают:
надо дождаться весны.

* * *

Сентябрь...
Как черные дрозды,
уселись гроздья винограда
на ветви...
Желтые сады,
их ароматные плоды
венчают лето,
как награда
за труд крестьянам...
Двери школ
открыты...
Детвора с цветами
торопится...
А воздух гор
уже пронизан холодами.

СУМАСШЕДШИЙ ВЕТЕР

А ветру снится бурелом.
Седые волны до небес.
Он городу наперерез
Летит, взметая пыль столбом.

Босой,
Он пляшет — хоть куда!
По битому стеклу бежит,
Петь заставляет провода,
Как пахарь, море бороздит.

Он под покровом темноты
На крышу лезет, озверев,
Чтоб рвать железные листы,
Как листья чахлые с дерев.

И, убегая от зари,
Он остановится вдали.
Узнав, что столько натворил,
Исчезнет вдруг с лица земли.

* * *

Улетают птицы суетливо,
отцветают поздние цветы,
потемнела прибранная нива,
почернели голые кусты.
Ветер забирается в подъезды
греться человеческим теплом...
Люди прячут летние одежды
и грустят,
вздыхая ни о чем...

* * *

Вершины гор
облиты серебром.
Как хорошо
на тех вершинах снегу!
Мороз —
не частый гость в краю родном —
за всадником
тайком идет по следу.
О чем
само с собою говорит
безлюдное пустынное раздолье?

Замерзший лес,
полуночное поле —
что каждое из них
в себе таит?
Сиянье звезд, и тишина вершин
располагают к думам и покою...
Морозу волю дать —
то он в кувшин
залезет вмиг холодною рукою.

* * *

Из колодца я поднял бадью,
и зеркальность воды родниковой
отразила улыбку мою,
желтый куст,
небосвод васильковый.

Капли влаги, о камень дробясь,
проливались блестящим пунктиром,
образуя мгновенную связь
между капелькой малой и миром.

Колыхаясь,
сверкала вода,
и расплескивалась,
и дрожала,
охлаждала чело и уста,
и тревогу души охлаждала...

БЕЛЫЕ ПЧЕЛЫ

В небесах развязали мешок,
и бесшумная белая стая
опустилась с небес,
укрывая каждый кустик
и каждый цветок.
Сколько их налетело —
не счесть!
На деревья насели,
на крыши...
Сразу стало свежее и тише,
так прекрасно,
что глаз не отвесть.
Резкость черт
потеряла земля,
округлились и горы и долы...
Вот что сделали
белые пчелы
светлым утром

в конце февраля.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗИМА

Небо мельницею стало —
сыплет белою мукой,
ветви свесились устало,
словно флаги, над землей.

Легкий ветер, как разведчик,
вести тайные несет,
у деревьев поседевших
тихо бороды трясет.

День уходит из-под крова,
убегает по снегам,
а мороз глядит сурово,
прибирая власть к рукам.

Вся природа в этот вечер
словно памятник стоит —
не открыт еще, и ветер
покрывалом шевелит.

* * *

На белой вершине улегся снег,
Как белый медведь развалился во сне.
Смертельно уставший, обрел он ночлег
В оглохших горах, в густой тишине.

Но встанет он вдруг весной ото сна,
Как белый медведь из спячки встает.
И зазвенит, запоет, заревет
И жаждущий дол напоит допьяна.

* * *

На темный гребень
яркая звезда
взобралась воровато,
как лазутчик,
на мир взглянула,
и мгновенный лучик
блеснул, как знак,
о том, что без труда
возможна будет полная победа,
что, мол, беспечен этот враг и прост...
И высыпала вдруг армада звезд

и без сраженья
захватила небо!

* * *

Скрылось за гору солнце,
и птиц не слыхать...
Тени трепетные сгустились.
Хорошо после трудного дня отдыхать...
Огоньки в селе засветились.
Но с вершин Ерцаху,
словно вызов мгле,
счет отмеривая секундам,
капля солнца светится на скале —
зацепилась каким-то чудом.

* * *

А звезды — почти что как люди...
Когда их родит бытиё,
гремят во вселенной салюты
в честь новых созданий ее.
А звезды, как люди, стареют,
расходуют юности блеск,
тускнеют и медленно тлеют,
грустят, доживая свой век.
Но где-нибудь там,
где погасла
столь милая сердцу звезда,
другая спокойно и властно
восходит...
Так пусть же всегда
две равновеликие силы
бесстрастно взирают на нас:
от первых шагов — до могилы,
в час смерти, в рождения час...

* * *

Море спит в своей мягкой постели
Возле самой калитки моей.
Дни летят, как веками летели
Белопенные волны морей.

И летит где-то песня, что спета
Возле моря, где жить мне дано.
И летит где-то в небе ракета,
И летит тонкий лучик рассвета,
Отворяя для утра окно.

И летит надо мной, где-то рядом,
Жизнь свою погасив навсегда,
Под моим улетающим взглядом —
В исполненье желаний — звезда...

* * *

Когда беда тебя найдет,
когда, над домом разражаясь,
зарница грозная блеснет —
не убегай в кусты, как заяц.
Спаси свой дом. Спаси свой сад.
Будь им опорой и защитой.
Почувствуешь себя мужчиной.
Достойней — не найдешь наград.

АБХАЗСКАЯ СВАДЬБА

Абхазская свадьба!
Веселье и гвалт
не могут вместиться ни в зале,
ни в доме.
Жених и невеста,
блистая, сидят,
как будто созвездье,
рожденное внове.
Ликуя,
шумит молодежь во дворе.
Ах, сколько возможно поведать глазами!
И юность работает...
А на столе —
такое,
о чем и не скажешь словами!
Аджика, как пламя, бушует во рту,
лоснятся от жира румяные куры,
в узорах
на блюдах лежат хачапури,
а тут еще ставят на стол абысту!
А чтобы нам
жажду залить поскорей,
шипят акачич, ахардан, изабелла!*
Кувшины,
похожие на лебедей,
как будто зовут:
принимайся за дело!
Почетный колхозник —
хозяин стола —
хлопочет заботливо:
все ли готово?

Готово!
Так необходимы слова —
и тут возникает заздравное слово!
Поднялся
один из почтенных родных,
как древний утес
над столом приподнялся.
Внимание!
Зал на минуту затих,
и вот наступил долгожданнейший миг,
которого ради
народ собирался.
— Я вот что скажу
в этот праздничный час:
за тех,
у кого мы ликуем сегодня!
Пускай и они поприветствуют нас.
Пусть в жизни не знают
ни грусти, ни горя!
С годами
пускай не стареют они,
как солнце и месяц...
Так за новобрачных!
Да будут
как горные воды их дни,
как струн Кодора,
чисты и прозрачны! —
Закончил —
и рог опрокинул до дна,
и кто-то добавил:
— Свобода стаканам!
А ну-ка, нам волю давай,
тамада!—
И песня взлетела над шумом и гамом!
Абхазская свадьба!
Кто хочет узнать,
что значит веселье,—
на свадьбе абхазской,
с ее разговорами,
песней и пляской,
тот должен когда-то
хоть раз побывать!

** Акачич, ахардан, изабелла — сорта винограда.*

АХАРДАН

Ахардан,
ты под солнцем весь день,

ты не любишь прохладную тень.
Солнцем
чрево свое насыщая,
постепенно хмелеет лоза,
захмелев,
закрывает глаза
и стоит,
головою качая.
Сколько хочет —
пусть столько и пьет —
в этом сила и честь ахардана.
В самом деле,
коль дерево пьяно,
разве кто-то его упрекнет?

* * *

Ах, кто не любит виноград абхазский!
Я сам всегда ему от сердца рад.
Без лестницы на дерево, как в сказке,
Взбирается абхазский виноград.

Ему по праву солнце, небо, гуды
Упорных пчел и гул громовых гроз...
Он черен и блестящ, как очи Гунды*
И тяжелей ее тяжелых кос!

** Гунда — прекрасная сестра ста братьев-нартов из народного абхазского эпоса.*

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ЛАСУРИА

Помнится, Алеша как-то раз
слово взял на свадьбе не для тоста.
Между тем на пиршестве у нас
овладеть вниманием не просто.
Но Алеша со стихами встал...
Поначалу гости удивились,
но, покамест он стихи читал,
постепенно все угомонились.
Виночерпий чашу уронил,
тамада забыл о древнем тосте,
у гостей прошел излишний пыл,—
слушая его, трезвели гости.
И невеста вышла на балкон,
позабыв о правилах приличий.
А жених-то! Показался он
на люди, нарушив тем обычай...
Как читал Алеша!
В тишине
разносилось слово золотое!

С этим словом связана во мне
наша юность — время молодое.
Как читал!
В словах бурлила страсть!
Я об этом помню, как о чуде.
Негде было яблоку упасть —
целый двор заполонили люди.
Он закончил — дружное «ура!»
было высшей для него наградой,
а потом до самого утра
оглашалась ночь веселой свадьбой.
Был Алеша счастлив в эту ночь.
Помню, как седой старик под утро
обнимал Алешу: — Ну, сынок!
Ты красиво говорил и мудро!—
У невесты и у жениха
свадебных даров немало было...
Но звучанье этого стиха
до сих пор невеста не забыла...

* * *

О поэт!
Новой песни мы ждем.
Мир поющий
Всегда тебе рад.
Днем и ночью
И ночью и днем
Ты растишь свои песни, как сад.

Мы тебя называем отцом.
Это значит,
Что любим всегда...
Песня тоже родится птенцом,
Но, как птица, летит из гнезда.

ПЕСНЯ ПОЭТА

Она живет не для овации,
Она полна особых чувств.
Ей гром рукоплесканий чужд.
Ей тихо сердце удивляется.

И, пролагая путь случайный,
Она свой ручеек струит.
И чистое его журчанье
Прохладой путника манит.

На карте нет ручья,
Но разве

Он этой видной славы ждет,
Когда в его волнах
Абхазия
С утра и до ночи плывет...

* * *

Песня влетела в окно —
радостная,
как со свадьбы.
Что принесла — все равно!
Что-нибудь нащебетать бы!
Разговорилась со мной,
сердце мое отворила,
словно бы ранней весной
первым теплом одарила.
Что же потом?
Как назло,—
только я разговорился,—
ветром ее унесло,
так что я с ней не простился!
Словно встревожившись,
звук
вылетел в ночь и растаял...
Словно бы лучший мой друг
друга внезапно оставил.

* * *

Скал немые громады
глядятся в озерное лоно,
словно могучие нарты
толпятся заворожённо.
Время им угрожает,
но скалы сильны и юны...
Рица их отражает,
словно зеркальце Гунды.

СОЛНЦЕ ЗАХОДИЛО, СОЛНЦЕ ВСТАВАЛО

1

На алом парашюте
За морем солнце село.
На считанной минуте
Заря дотла сгорела.

И все угомонилось.
Притихли лес и поле,

И небо прослезилось,
Роняя звезды в море.

2

Ночь.
Пусты дворы, дороги.
И куда ни посмотри —
Словно все ушли в далекий
Путь
На поиски зари.
Перевал за перевалом.
На последний перевал
Вышло солнце.
Засияло
На скуластых лицах скал.
И пропала ночи тень.
Как цветок,
Раскрылся день.

* * *

Давно ли виделись с тех пор?
И вот опять я за грядою.
Глубокой, вечной думой гор
Лежишь ты, Рица, предо мною.

Косынки-тучки
Просто чудо!
Таких не видел я нигде.
Как будто их стирает Гунда
В твоей заоблачной воде.

* * *

Звезда ли в небе загорится,
Взойдет ли солнце,—
О тебе
Все не могу наговориться!
Ты — дар судьбы счастливой, Рица,
В моей явившийся судьбе.
Вокруг тебя верчусь, кручусь я,
Как заколдованный, всегда.
Не скрыть мне трепетного чувства:
Как на свиданье, в горы мчусь я,
Где плещется твоя вода.
О, как гостей ты встретить рада!
Во всем достойна ты страны,
Чья щедрость — щедрость гор и сада.
Твоя зеленая прохлада —

Дыхание ее весны.
Отдохновения столица,
Своим друзьям тебя дарю.
Хочу всю жизнь я видеть, Рица,
Как отражаешь ты их лица,
Деревья, скалы и зарю!

* * *

Вздыхает море недовольно,
И тучи затевают пляс,
И гложут
Стынущие волны
Надолго опустевший пляж.

Но девушка
В холодный вечер
Плывет, не ведая о том,
Что волны ей спешат навстречу —
Погреться молодым теплом...

* * *

Каждое утро
я прохожу
мимо одних дверей.
С тяжким сердцем на них гляжу —
хоть бы пройти скорей!
Время без устали
нас крушит
мощной рукой своей.
В сердце моем
до сих пор звучит
горестный скрип дверей.

НЕ ХОТЕЛА НАРУШИТЬ ПОКОЙ

Калитка в саду заскрипела.
Иль это случилось во сне?
— Прости меня, я не хотела
Нарушить покой твой,
Но мне...
— Ах, здравствуй! —
Я был сам не свой.
Недавнюю вспомнив разлуку,
Пожал ее плавную руку
Растерянной, слабой рукой.
О чем мы с тобой говорили?
Мы просто боялись молчать.

Деревья нас тихо корили,
Пытаясь слова подсказать.
И, словно назло мне,
Поодаль
Разговорилась река...
Пускай на того все невзгоды
Падут,
Кто любви языка нам не дал...
Что может быть хуже!
Так пусто в душе и кругом.
И я никому здесь не нужен
И словно ни с кем не знаком.
И снова
Я все повторяю —
А я ничего не забыл,—
Так, словно себя проверяю:
Обидел ли чем, оскорбил?
Нет. Нет.
Но тогда в чем же дело?
Меня удивляет одно.
И как она только посмела
Сказать, словно ей все равно:
«Нарушить покой не хотела»,
Когда он нарушен давно!

* * *

Ты бродишь по горам. Ты пьешь настой
Альпийских трав. Тебя пьянят просторы.
Но если ты измучен красотой,
Ты скажешь: «Хватит!» — и покинешь горы.

Художник, ты рисуешь водопад.
Но если не находишь нужных линий
И краски все ложатся невпопад —
Кто запретит тебе? — ты кисть откинешь.

Ну а полюбишь,— радость иль беда,
Светло тебе, тревожно или больно,—
Ты всё равно не сможешь никогда
Сказать любви: «Как я устал! Довольно!»

* * *

Облака по небу расползлись,
рядышком друг с другом улеглись,
солнышком согретые, уснули...
Но когда их грохот разбудил,
молний блеск внезапно ослепил,
от испуга,

бедные,
всплакнули.

СЛЕД МОЛНИИ

Все вздрогнуло — и рощи и сады,
лес потемнел и замер в ожиданье,
и молнии змеиные следы
вдруг промелькнули в сумрачном мерцанье.
И, обогнав рождающийся гром,
раздался звук,
шипящий и трескучий,
как будто бы взлохмаченные тучи
боролись, как пожарники, с огнем.
А молния,
над сенью темных куп,
вспорола брюхо у седого неба,
но чтоб оставить знак огня и гнева
ударила — и расколола дуб.
Враз потемнел в тот миг
весь белый свет,
рванулись струи из прорехи дружно...
Я весь промок. Но так как я — поэт,
то мысль пришла:
чтобы оставить след,
и молнии сойти на землю нужно!

* * *

Как будто вражеский десант,
внезапно седина осела
в моих курчавых волосах
и сразу принялась за дело.
Но пряди черные мои
своих позиций не сдавали
без боя... С боем отступали,
покамест все не полегли.

МОРОЗ

Утром однажды
я вышел во двор,
а там, холодком звеня,
стоял мороз,
и во весь опор
он бросился на меня.
Схватил за щеки
и стал трясти,
залез в рукава ко мне.

Уже за пазуху ищет пути,
уже бежит по спине!
Но я отмахнулся — и бегом!
Он — следом что было сил.
Тогда
я встретил его пинком
и на землю повалил!
Смотрю — маленечко приутих,
немного скромнее стал...
Я добавил ему под дых,
слышу — он запищал.
Просит пощады!
А мне — тепло!
Вот это вопрос другой!
А он,
замышлявший такое зло,
пищит у меня под ногой!

* * *

Сам себе улыбнешься не часто —
для чего улыбаться себе,—
это явственный признак несчастья,
одиночества в грустной судьбе.

Без друзей молчалив ты, как рыба,
и, лишенная дружеских чувств,
без друзей умирает улыбка
по краям озабоченных уст...

* * *

Стихотворенье родилось
не где-нибудь,
а в самолете.
Не вовремя,
но вы поймете,
что роды принимать пришлось.
Зерно рождается в земле,
а водопад в горах родится,
родится рыба в глубине,
птенца в гнезде выводит птица.
Но только слово на устах
и прихотливо и свободно,
оно родится где угодно —
в лесу,
в постели,
в небесах...

* * *

Для себя он был силен,
для себя — умен,
только для себя дышал,
для себя — мужал.
Для себя он ел и пил и добро копил.
Только о себе радел,
для себя седел...
А когда замкнулся круг,
кончилась стезя —
для себя он умер вдруг,
только для себя.
Опустили в землю гроб,
опустел погост...
Не было ни добрых слов,
ни горячих слез.

* * *

Апсны, Апсны!
Я — сын твоих дорог.

Тебя проехать вдоль и поперек
до самых удалившихся окраин —
труд невеликий...
Чем же ты горда?
Не тем ли,
что, как ласковый хозяин,
гостей встречаешь всюду и всегда!

* * *

Радость открытий,
радость дорог
и неизведанных мест.
Я не подвел дорогам итог,
знаю — не надоест...
Броды и тропы...
Долог мой путь,
манит меня земля.
Знаю,
что срок придет отдохнуть,
ну а пока — нельзя.
Только бы не забрести в тупик,
не простоять до утра,
только бы не сказал проводник:
— Хватит!
Сходить пора!

РЕКА

Река возникла,
увидала мир,
пошла и неожиданно споткнулась,
вскипела гневом —
гнев ее вскормил,
и гор гряда
пред нею разомкнулась.
Река внезапно вырвалась в простор,
иссякнул гнев,
но не иссякла сила.
Возникла гладь — и очертанья гор,
и облака,
и солнце отразила.
Есть у реки свой почерк,
свой разбег,
свои цвета во время непогоды.
С ее теченьем свыкся человек,
вовлек ее
в круги своей работы.
Никто не знает,
сколько ей веков.
Дочь вечности не думает о годах,
то в берегах,
то вновь без берегов
она шумит,
и ей не нужен отдых.

* * *

Стал я
задумываться о том,
что совершил и увидел не много.
Оттого-то и сон мне не в сон,
оттого не проходит тревога.
Друг мой! Если хочешь помочь,
говори мне в глаза всю правду,
приходи
хоть в ночь,
хоть в полночь
и скажи мне,
что делать надо.
Если я солнце сегодня проспал,
если день равнодушно прожил —
ты скажи мне в глаза:
кем и чем я стал,
до чего постепенно дожил.
Может быть,
исцелит меня пыль дорог,

синий холод горных ущелий?
Нет, не верю,
что вот он уже — потолок
всех желаний моих и целей!
Нет,
меня еще манит земля.
Ведь недаром сердце трепещет,
если вдруг увижу след корабля
и услышу, как море плещет.
Ты, Абхазия,
ты наделила меня
и надеждой,
и целью,
и словом.
Мне поможет
тепло твоего огня,
что мерцает под каждым кровом.
И покамест
я числиться буду в живых —
буду славить твои щедроты,
буду веровать в твой корневой язык
и в бессмертье его природы.
А когда придется проститься мне
с этим вечнозеленым миром —
пусть зароют меня
в абхазской земле,
да поближе к пращурам милым.
Пусть абхазская женщина
надо мной,
волосы распустив, заплачет.
Пусть меня проводит ровесник седой,
для которого что-то значит
мое слово...
Но хватит!
Покамест жив,
буду славить живое дело,
не иссяк,
не угас еще мой порыв,
не дошел еще до предела...

* * *

Я шел среди скалистых круч...
Судьбы вершина предо мною,
едва не доставая туч,
сверкала шапкой снеговою.
Заглянешь в пропасть —
бросит в дрожь.
Сорвешься —
поминай как звали:
своих костей не соберешь

в зияющем, как пасть, провале.
Летят каменья из-под ног,
сшибаясь,
высекают искры.
Здесь нет проторенных дорог,
здесь только пропасти да выси...
А далее,
в туманной мгле,
там, где рождается Ингури,
с небес клубящихся
к земле
текут серебряные струи!
Как трудно подыматься вверх:
трепещет сердце,
как у птицы,
а под ногой земная твердь
так и мечтает обвалиться.
Но человек таким рожден:
то в страхе,
то неустрашимо,
но лишь туда стремится он,
где всей судьбы его вершина.

* * *

Эти горы высоко взнеслись,
подпирая холодное небо.
Есть минуты,
когда эта высь
мне дороже уюта и хлеба.
На вершине двуглавой горы
ледники начинают движенье.
О нее разбивались орлы
по причине головокруженья.
Как защитники нашей земли,
эти горы высокие шпили
вдоль границы ее вознесли —
ветры Севера остановили.
Может быть, что с библейских времен,
как следы легендарного века,
там находятся линия волн
и святые останки ковчега.
Высоко эти горы взнеслись
в голубые холодные выси.
На земле продолжается жизнь,
но они — увенчание жизни.

ВИДЕНИЯ В ПЕЩЕРЕ АБРАСКИЛА*

Горьковатый дымок

из пещеры струится,
словно где-то в глубинах ее
до сих пор
Абраскилом когда-то зажженный костер,
догорая, дымится...
Мы, согнувшись, на ощупь идем,
фонари, словно лезвия, режут
вечный сумрак.
А в голову лезут
то стихи, то легенды о нем...
Как следы богоборца разбросаны камни,
сталактиты свисают из мглы
и роняют холодные капли
к подножью скалы.
Абраскил-богоборец...
Когда он царил,
на земле, по преданию, длилась
золотая пора,
справедливость,
торжество человеческих сил.
Но потом, как всегда,
зло проклятое объединилось,
и великого сына земли
заманили, как сокола, в сети,
заковали в тяжелые цепи
и в пещеру сюда привезли.
Здесь,
прикованный цепью к столбу,
сотрясал он пещеру,
и легенда о нем
берегла в поколениях веру
в справедливость
и тягу к добру.
...Сколько ярких картин
нашей древней поэзии милой
с новой силой
вдруг предстало пред взором моим!
...Кони весело ржут,
и великие нарты—
исполину под стать исполин —
по просторам Кубани идут!
Косы Гунды прекрасной
струятся по белым плечам...
Вот Нарчхоу**
ее словно ветер умчал...
Вот он проклятый и превращенный
в утес безобразный...
Вот Сасрыква сбивает звезду,
чтобы братьев согреть,
вот от пламени этой звезды
согреваются братья.
А Сасрыква на Бзоу

покоряет небесную твердь,
и дракон, им сраженный,
изрыгает огонь и проклятья!
...Ух!
Приходится на четвереньках ползти!
Огоньки в темноте замелькали,
голоса раздаются...
Мы выходим на свет.
Только к свету ведут все пути...
А герои,
а нарты —
неужто во тьме остаются?
Нет, они вместе с нами,
недаром,
когда мы запели, то эхо
многократное
нашу песнь подхватило!
Словно вдруг мы услышали
долетающий в наши года
зычный голос героя —
пророческий глас Абраскила!

** Абраскил — легендарный герой — богоборец.*
*** Нарчхоу, Сасрыква — нарты, герои народного эпоса*

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Слов, не достойных чести и ума,
Каким соблазном ни был бы ты мучим,
Не изрекай, хоть навалилась тьма,
Не изрекай, хоть ты в лесу дремучем.

* * *

Когда под силу, то перешагни
Ты гору или дол в пределах века,
Но в этом мире через человека
Переступать — судьба тебя храни.

* * *

Над головою заметить нетрудно
Черные тучи, что к буре нависли,
А черное сердце таится подспудно,
И скрыты улыбкою черные мысли.

* * *

Не надейтесь на лошадь, которую в холе
Одиноко пасли, а взнуздайте коня,
Что возрос в табуне, на подоблачном поле,
Он при случае вынесет вас из огня.

* * *

Всему своя доля, всему свой удел.
И в мире подлунном обычно
Высокая мудрость имеет предел,
А глупость — всегда безгранична.

* * *

Пусть многолетней выдержки прекрасно
В покое прозябавшее вино,
Но прозябанье мужеству опасно,
И обновляться мужество должно!

* * *

Как расцвело бы познания древо,
Как бы в устах засверкали слова,
Если б такой ненасытной, как чрево,
Каждого в мире была голова.

* * *

С незапамятных лет, как пророки, живут поговорки,
И сбываются их под луною пророчества:
Не лелеявший всходов — раскается в пору уборки,
А друзей не ценивший — раскается в час одиночества.

* * *

Хорошее слово — дороже коня,
Вынесет к свету из черного дня,
А слово худое, недоброе, злое
Черной гадюки прямая родня.

* * *

Пословица, как эхо,
Живет на склонах гор:
«Чужой дурак — потеха,
А свой дурак — позор».

* * *

Алмаз — вершина ценного кольца.
И женщина тогда лишь хороша,

Когда черты прекрасного лица
Венчает благородная душа.

* * *

Скрывая свой истинный лик
И мысли тая воровато,
Преступник — закона должник:
Час грянет — наступит расплата!

* * *

От слова не расплавятся снега,
И не набьешь цены себе зазнайством.
Не уничтожишь руганью врага
И мысли не возвысишь краснобайством.

* * *

Если жадность ты смог побороть,
То за бедным столом по заслугам
Сладок пиршески хлеба ломоть,
Разделенный по-рыцарски с другом.

* * *

Порой стоустая молва
Подобна острию кинжала,
И сердце многим пробивала
Она, исполненная зла.

* * *

Нет ничего на свете бесполезней,
Чем предаваться лени на веку,
Безделие причина всех болезней,
Скала погибнет, лежа на боку.

* * *

Тебе не тяжко, если в ясный день
Тень за тобой навязчиво плетется,
Но если сам ты превратился в тень,
Тебе в дороге нелегко придется.

* * *

Малосильны речки и речушки,
Но когда сливаются вдали,
То грохочут будто бы из пушки,
На волнах качая корабли.

* * *

Достойна лишь приметой возрастной
Быть седина в пределах всех широт:
Как мудреца, почтенной сединой
Глупца венчают годы в свой черед.

* * *

«Те велики, а эти — малы» —
Так людей разделяют невежды.
Но не сшить даже бедной одежды
В этом мире без малой иглы.

* * *

Хоть иногда неторна и полога
Дорога непривычная, но все ж
Она трудней, чем горная дорога,
Которою ты сызмальства идешь.

* * *

Для лошади, чья в скачке сбита холка,
Слепень в жару безжалостнее волка.
И сито для бездельника не сито,
А круг тяжеловесный из гранита.

* * *

Кружись, планета!
Здравствуй, высота!
Уста поэта —
Совести уста.

* * *

Встретилось добро с добром сердечно.
Обнялись. Теперь идти им вечно.
Повстречалось зло со злом в дороге.
Обнялись... И протянули ноги.

* * *

Того, над кем смыкается вода,
Спасают водолазы иногда,
Но нет надежд спасти того, дружище,
Над кем земля сомкнулась на кладбище.

* * *

Когда нас тянет прошлое назад

И не дает в грядущее нам ходу,
Мы узы с прошлым рубим, как канат,
Чтоб обрести в движении свободу.

* * *

Соседу не напомню про обиду
И, не обмолвясь про его вину,
Как верный друг плечо к плечу с ним выйду,
Когда пойдет сосед мой на войну.

* * *

У времени имеется четыре
Художника правдивых в этом мире,
Они бессмертны, словно жизнь сама,
Весна и Лето, Осень и Зима.

* * *

История любого века,
Столкнув для схватки свет и тьму,
Ведет свой путь от человека
И возвращается к нему.

* * *

Учить глупца бессмысленно уму,
Такое не под силу никому,
Ведь на бесплодном камне невозможно
Посеять хлеб иль вырастить хурму.

* * *

Радетель отческой земли,
Как сорную траву пустую,
Ложь с поля жизни удали
И правду сей на нем святую.

* * *

Кто не знал поражения, тот
Оценить не способен успеха,
Кто горючей слезы не прольет,
Не познает и сладости смеха.

* * *

Лишь затем, чтоб исцелить
От опасного недуга,
Не душе, а плоти друга
Вправе боль мы наносить.

* * *

У каждой тайны ключик есть,
Да где запрятан он, бог весть.
Кто ключ найдет, тому она
Открыться первому должна.

* * *

Неминучие долгие горести
Ожидают на свете того,
Кто пойдет против собственной совести,
Ради выгоды дня одного.

* * *

Вчерашнее слово сегодня не ново,
Но если сегодня сумеешь, мой друг,
Грядущего дня обнародовать слово,
Признательный отзыв раздастся вокруг.

* * *

Наследник в мир шагнет с порога,
И станет, как судьбы залог,
Ему отцовская дорога
Началом собственных дорог.

* * *

Того не перекладывай на завтра,
Что можешь ныне сделать, дорогой,
А то опередит тебя внезапно,
Перо сжимая, кто-нибудь другой.

* * *

Еще говаривали деды,
Совместно подвиги верша:
Одна у дружбы и победы
Неугасимая душа!

* * *

Из всех украшений от века,
Какие легко перечесть,
Не красило так человека
Ничто, как врожденная честь.

* * *

Бросишь шапку в середку оравы,
Станут шапку швырять и пинать,
Потому стерегись для забавы
Ты в толпу свое слово бросать.

* * *

Век доброго имени короток станет
Того, кто за длинным погнался рублем.
И слава дурная к такому пристанет,
Не зря она цепкостью схожа с репьем.

* * *

Изрек господь, не скрыв досады:
— Эй, привереды, на земле
Вы летом ищете прохлады,
Зимой печетесь о тепле!

* * *

Крестьянский дом, открытый для гостей,
Как будто бы для добрых новостей,
Палат дворцовых для меня богаче,
Устойчивей суровых крепостей.

* * *

Все вещи в доме хороши,
Но нет любви в нем, нету песен.
И, хоть просторен дом, он тесен
Для очарованной души.

* * *

Всяк в этот мир свои приметы внес,
И видит наблюдательное око,
Что спесь высоко задирает нос,
А гордость носит голову высОко.

* * *

Душа в ином, бунтуя неприкаянно,
Куда моложе своего хозяина.
В другом она, исполненная холода,
Старей владельца, чье обличье молодо.

* * *

Да здравствует горячая работа,
Пусть соль на спинах выступит у нас,
Надежда стоит пролитого пота,

Окупится он ею десять раз!

* * *

Где речка камню трется об щеку
Вблизи от облачной гурьбы,
Вновь солнце кажется аробщику
Багряным колесом арбы.

* * *

Можно время измерить и взвесить
Вдохновенной работой земной,
Но обмерить его и обвесить
Никому не дано под луной!

* * *

— Пес, ты за кем бежишь вдоль буерака?
— За зайцем вслед, — ответила собака.
— А ты, косой, за кем летишь вдогон?
— За собственной душой, — ответил он.

* * *

Заветы стариков не бесполезны,
И сказано потомкам не вчера:
«Приводит на вершину путь добра,
А тропы зла приводят в чрево бездны!»

* * *

Не напрасно говорится
Между всех людей труда:
«Кто умеет веселиться,
Тот продлит свои года!»

* * *

Покрывается словно порошей
Иль травой зарастает в кустах.
Если слово с полезною ношей
Не бытует на наших устах.

* * *

Невезучий далеко-далёко
Ищет счастья, сетуя на бога,
А везучий ищет не без прока
Счастье возле отчего порога.

* * *

Однажды доктор посетил
Без вызова мой кров.
— Чем болен ты? — он не спросил,
Спросил он: — Чем здоров?

КОРЕНЬ

Как сверло,
он вгрызается в землю
и в стремленье своем неустанном
отдает свои силы цветенью —
винограду, платану и травам.
Он великий работник подземный,
он в земле, и ни зной, ни морозы
не страшны ему, нощно и денно
он работает в чреве природы.
Он посланник ее. Он упорен.
Он работает тихо и скрытно.
Но из почвы коль вырвете корень —
он умрет, как на воздухе рыба.

КРЕСТЬЯНИН ИЗ ЛДЗАА

Д. Хишба

Ты живешь на земле не как гость.
Ты здесь вырос, исполнился силой,
по хозяйству впервые вбил гвоздь
и очаг запалил негасимый.

Здесь твой корень, твой дедовский кров,
и ликуешь ты здесь и страдаешь,
вечерами встречаешь коров,
жеребца на рассвете седлаешь.

Виноград оплетает твой дом,
вьется хмель по стене непокорно,
и кувшины с крестьянским вином
прямо в землю зарыты по горло.

Здесь когда-то в былые года
раздавался напев апхиарцы*
Как мы жили, что пели тогда —
сохранили в преданиях старцы.

Здесь когда-то ты выбрал колхоз,
по-крестьянски семь раз примеряя.
Здесь и сына женить довелось, —
ох и свадьба была удалая!

Дом твой славится, прочим под стать,
распорядком достойным и мудрым:
надо вечером гостя принять,
выйти на поле надобно утром.

Издалека посмотришь: плывет,
возвышаясь над зеленью сада,
словно белый большой пароход,
дом твой, доброго полный уклада.

Ты родился и вырос вот здесь,
и живешь ты без умысла злого,
соблюдая абхазскую честь
и крестьянское верное слово.

_____

** Апхиарца — народный музыкальный инструмент.*

НАДЕЖДА

Единственного сына ждет старик.
Живет надеждой сердце старика.
А время молчаливо, как река,
Старик отец к молчанию привык.
Надежда с временем вступили в спор.
Так повелось и стало на веку.
Но кажется порою старику:
Ворота скрипнут — сын зашел во двор.
И радость молнией вдруг озарит
И схлынет без следа.
Но из-за туч,
Как мартовского солнца зыбкий луч,
Опять надежда сердце посетит.

И я боюсь, что раз и навсегда
Уйдет надежда. Навсегда уйдет.
А время не устанет никогда:
Оно идет и никогда не ждет.

МАТЬ

Как бьется сердце. А в глаза взгляните —
В них все отражено, как в медленной воде.
Слова, слова, куда же вы скользите,
Пугливые, как рыбы, где вы, где?

На дне каких морей тот миг забвенья,
Когда я видел вас в недавнем сне,

Гарцующих на поле вдохновенья,
Под гром оваций скачущих ко мне.

Родная мама, милая, как прежде,
Когда бесплодный день я принимал за ночь,
Я припадал к тебе с одной надеждой,
Что ты поможешь мне, как можешь ты помочь.

Я знаю, мама, все ты замечала.
Когда шептался я с любимою строкой,
Смотрела грустно, головой качала
И говорила мне: «Сын, обрети покой».

Опять пустые дни. И я бреду за ними,
И вспоминаю те, когда был глуп и мал.
Но, плача, и тогда твердил твое я имя,
И с именем твоим свой плач я прерывал.

Я помню, как на сборе винограда,
Где с мала до велика весь трудился люд,
Сказала ты: «Работа — вот отрада,
И человека в мире красит только труд».

Работа лишь дает такое право —
Со всеми в полный голос говорить и петь,
На радость во всю грудь, когда приходит слава,
И на почетном месте за столом сидеть.

Твои слова, как звезды путевые,
Всегда светили мне — я шел твоим путем.
И вот теперь их потерял впервые
И не могу найти ни ночью и ни днем.

Прости меня: я не прошу прощенья,
Хотя лишь ты одна мне все простишь, любя.
Я выйду сам на поле вдохновенья
И сам найду слова, достойные тебя.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

«Ваш сын живым не вышел из огня» —
слов о тебе таких не получили
и не видали твоего коня,
вбежавшего во двор в крови и мыле.
Никто не посочувствовал отцу
в час похорон,
в день тризны погребальной.
Твоя сестра, расплетшая косу,
не причитала над могилой братней.
«Пал смертью храбрых» — не сказал никто
подобных слов,

с какими дружит слава.
«Отчизне изменил» — опять никто
сказать такое не имеет права.
А сколько лет,
как минула война,
как минула народная невзгода!
Но в памяти земной судьба твоя
становится темнее год от года.
Никто не знает:
может, ты седой,
а может быть, навек остался юным.
Проела моль костюм давнишний твой —
не углядели сестры за костюмом.
Зарытый для тебя кувшин с вином
давно уж высох...
Обломилась верба,
которую когда-то майским днем
ты посадил,— не выдержала ветра.
Черпак,
что ты забыл у родника,
давным-давно проржавел,
стал дырявым...
А фото всё глядит из уголка —
ты снят на фото молодым и бравым.
Ровесники твои обзавелись
за эти годы семьями, домами...
Проходят весны. Опадает лист.
Проходят зимы с долгими дождями.
Весть о тебе затеряна во мгле.
Мать, за тебя не помолясь, не ляжет.
А время — мчит.
Но правду о тебе —
не говорит
и, может быть, не скажет.

* * *

Да, немало сдержали мы слез,
слез,
насыщенных болью и гневом,
в том далеком году сорок первом,
в дни,
когда отступать довелось.
Почему же не плакали мы?
Просто некогда было поплакать,
было принято слабости прятать,
подождать окончанья войны.
Но зато в сорок пятом году
чувств своих мы уже не таили —
сколько слез облегченья пролили,
не стесняясь, у всех на виду...

* * *

Помоги человеку,
пока
он живет на земле,
потому что
он не вечен.
Без теплого чувства
человека съедает тоска.
Если видишь, что ближний устал,
раздели непосильную тяжесть,
пусть печать облегчения ляжет
человеку на лоб, на уста...
Если недруги станут травить
человека —
гони их, как свору
шумных псов,
и не верь наговору,
а сумей от него оградить.
Поддержи человека в беде,
раздели его горькое горе.
Не жалеть себя — дело благое,
это нужно и всем — и тебе.
Помоги человеку,
пока
он живет на земле,
потому что,
чтобы жить,—
всем нам чувствовать нужно:
рядом с нами родная рука.

* * *

Двор опустел.
Семья спокойно спит.
Над спящим домом лунный свет струится,
и где-то песнь поет ночная птица.
И лишь у матери окно горит.

Над материнским счастьем и трудом
не властвуют ни годы, ни усталость,
она опять похлопотать осталась,
наполнить дом уютом и теплом.

До полночи она не знает сна.
Давным-давно уже уснули дети.
Не гаснет свет в окне.
И на рассвете
никто не встанет раньше, чем она.

* * *

Под утро снился мне тяжелый сон...
Как будто, одинок, в лесу глухом
от холода я грелся под навесом...
Зачем я шел сюда безлюдным лесом —
уже забыл...
Да не о том рассказ.
А дело в том,
что вдруг десятки глаз
передо мной угрюмо засверкали!
Холодный пот меня прошиб в тот миг...
Какие-то неведомые твари
ко мне тянули мерзостные хари
со всех сторон...
Что делать?
Жалкий крик
застрял в моем окостеневшем горле,
а твари, щелкая зубами, перли,
того гляди — накинутся,
сожрут!
К чему прибегнуть:
к бегству иль к молитве?
А сердце бьется,
разрывая грудь,
и наконец я крикнул: — Помогите! —
...И в тот же миг
ко мне вбежала мать.
Исчезла нечисть,
жалко завывая...

От крика я проснулся,
на кровать

присел и думал: чем тебе воздать?
Ты и во сне мне помогла, родная.

ЛЮБОВЬ И РОДИНА

Пожелтев,
как вечерний закат,
облетают к зиме георгины.
В час,
когда батареи гремят,
превращается камень в руины.
Что же вечно?
Наверно, любовь
к вечной родине,
к милой отчизне,

где все время рождается новь
по заветам сложившейся жизни.
...Ты расстанешься с женщиной вдруг,
постепенно любовь заржавеет.
Может статься,
что лучший твой друг
постепенно к тебе охладеет.
Что же вечно?
Наверно, душа
этих гор,
этих речек и пашен,
не берет ее подлая ржа,
и ни зной ей, ни холод не страшен.
Ты одолжишь для друга коня,
зная:
друг, если надо, поможет.
Но к отчизне любовь у меня
самый близкий —
и то не одолжит.
Ты противник раздоров и драк,
но с женой и с ребенком простишься,
коль на родину двинется враг.
Лишь отбросив его,
возвратишься.

СВОБОДА

Свобода!
Шла ты под конвоем.
Тебя на эшафот вели.
С тобой и следом за тобою
Вдаль уплывали корабли.

Совсем одна
На целом свете,
Ты с непрощенною мечтой
Не раз была на грани смерти,
Жила за жизненной чертой.

Но гордый дух твой
Не сломили,
Не истребили — не смогли.
Убить пытались — не убили
И не отторгли от земли.

В душе
Высокой и мятежной
Ты донесла до наших дней
Вольнолюбивую надежду
Суровой юности своей.

Явилась утренней зарею
С мечом в руках
В октябрьской мгле,
И полетела над землею,
И воцарилась на земле.

* * *

Как солнца ты ждала, земля!
Его лучи сквозь тьму летели,
Чтоб оживить твои поля,
Чтоб поселиться в твоем теле.

Как ждало небо над тобой
С неутомимой доброй верой
И голубой морской прибой,
В ту пору еще тускло-серый.

О, как ждала, ждала река,
Укрыта льдом зимой и летом!
Как изнывали облака,
Не озаренные рассветом!

Как жадно ждали города,
Как безысходно ждали нивы...
И человек сквозь все года
К тебе стремил свой взгляд ревнивый.

И вот однажды на заре
Сверкнул твой луч, будя живое
И возвещая о поре
Святого, праведного боя.

Разбужен солнцем, как трубой,
Очнулся мир, и был он начат,
Великий бой, кровавый бой
За всё, за всё, что солнце значит!

Так год Семнадцатый настал,
И, сколько лет ни пронесется,
В тот год взошло на пьедестал
И засияло наше солнце.

ХЛЕБ

Кулак тебя закапывал в тайник
И, радуясь такому сочетанью,
Боялся, как бы кто-то не проник
В его нечеловеческую тайну.

Он говорил: пусть вырастет трава
Там, где колосья золотились строго,
Пусть прирастут друг к другу жернова,
Пускай исчезнет к мельнице дорога!

Пусть ржавчина сожрет за плугом плуг,
Пусть все посевы вытопчет скотина,
Пусть сил не станет у крестьянских рук,
Пусть кузницу оклеит паутина!

Пусть пустота амбаров всех страшит
И угнетают худших бед приметы.
Пусть не война, а голод сокрушит
Без шума неокрепшие Советы!..

Так говорил кулак, молясь тайком
О том, чтоб жизнь зачахла, оскудела,
И видел в злодеянии таком
Божественное, праведное дело.

Но хлеб есть хлеб, его не закопать!
Насмешкою над злобными врагами —
Он зашагал уверенно опять
По пустошам зелеными шагами.

ПОЭМА

С ИМЕНЕМ В СЕРДЦЕ

* * *

У чьего очага и когда,
кем впервые в Абхазии милой,
в дни какие, в какие года
имя Ленина названо было?
Что он чувствовал, тот человек,
кто пронес от селенья в селенье,
как открытие, как откровенье,
это имя, чьим назван наш век?

* * *

Земля,
ты для крестьянина была
его проклятьем и его наградой,
источником и радости и зла,
и сном его,
и голодом,
и жаждой.
Нет, не затем он обладал тобой,
чтоб укрепить насилие и рабство,

чтоб узаконить горе и разбой, —
не для того...
Он не желал богатства.
Насущный хлеб был нужен для него,
чтоб с голоду не умирали дети.
Вот вся мечта великая его.
Вся цель его на этом белом свете.
С годами становился как пустырь
хозяин твой,
твое дитя — крестьянин.
В морщины рук навек въедалась пыль,
крестьянский взгляд был мрачен и печален.
Он становился замкнут и угрюм,
как вол, согбенный тяжестью работы,
он старился от безнадежных дум...
Так проходила жизнь,
за годом — годы.
Он наживал, земля, в награду горб,
вколачивал в тебя свое здоровье,
дряхлел, слабел, потом ложился в гроб,
а ты ему ложилась в изголовье.
А время шло.
И семя мятежа
в угрюмых душах разрослось помалу,
и взбунтовалась вдруг одна душа...
Земля!
Припомни имя Гуадала!

ГОВОРИТ ЗЕМЛЯ

— Его семья жила моим клочком,
он был для них и нивою и садом,
просторы, что раскинулись кругом,
которые и не окинешь взглядом,—
принадлежали князю...
Как-то днем,
когда владельца не было в дому,
пробрались, словно хищники, к нему
два сына князя...
Вырвав из земли
крестьянской корни грецкого ореха,
они к себе побеги унесли —
жестокая и глупая потеха!
Вернувшийся под вечер
Гуадал зияющие ямы увидал.
Закрыл глаза, как будто бы они
не просто корни вырвали, а душу,
как будто бы вот-вот настанут дни,
в которые очаг потухнет в стужу.
Что значит вырвать корень из земли?
Вся жизнь его сошлась на этом слове,

чтоб выжил род,
чтоб дети подросли...
Нет хуже дел, чем это дело злое!
Кто вырвет корня молодой побег —
тот по миру детей голодных пустит,
в обкраденном дому кричать не будет
петух и не родится человек.
...Я помню, как крестьянин, помолясь,
лелея гнев,
как воин перед боем,
пошел туда, где наслаждался князь
в своем дому богатством и покоем.
Ну и случился там переполох!
Князь побледнел, княжата убежали,
княгиня — та спаслась посредством ног,
и слуги растерялись — оплошали.
И в справедливом гневе Гуадал
заставил их вернуть ему деревья.
Не пряча смех,
глядела вся деревня,
как он домой с достоинством шагал.
С деревьями на спинах вслед за ним
княжата шли, краснея от позора...
А что потом? Бесчестье наговора.
И вот, несправедливостью гоним,
за смелость и отвагу осужденный,
был вскоре сослан Гуадал в Сибирь,
на много лет с отчизной разлученный.
Вот так и продолжалась эта быль...

* * *

Сибирь,
сегодня ты близка
и детям запада и юга,
сегодня ты, как имя друга,
как верная его рука,
не каторга и не тюрьма,
а просто-напросто — раздолье,
простор для сердца и ума,
великих замыслов гнездовье.
Сейчас в глуши твоих лесов
не слышно звона кандалов.
Шумит ангарская вода,
гудят турбины Енисея,
а глянешь с неба,—
как созвездья,
в ночи сверкают провода.
Сибирь, тюремный в прошлом край,
забыла ты свою судьбину,
и ни поляку, ни грузину

ты не страшна...
Но вспоминай и расскажи:
тем давним днем,
в тот час
каким ты увидала
лицо абхазца Гуадала,
что можешь рассказать о нем?

ГОВОРИТ СИБИРЬ

— Он прибыл ко мне не добром:
в железе и руки и ноги.
Послали его топором
работать с утра и до ночи,
чтоб праведный пыл бунтаря
морозы мои охладили,
чтоб злая пурга декабря
его подтолкнула к могиле.
Но смелым прослыл он не зря.
Он спал, башлыком укрываясь.
Когда надрывались ветра,
сквозь щели острога врываясь,
абхазская бурка ему
служила привычной постелью.
Одну и другую зиму
он выстоял в битве с метелью.
Но я не к тому говорю,
что я ему жизнь сохранила:
причастна большому огню,
я искру огня заронила
в абхазское сердце его,
в его благородную душу...
В тот год все пути замело,
но над бездорожием в стужу
от речки по имени Шушь
те искры летели, сверкая,
тревожа суровую глушь
просторов бескрайнего края.
Не раз я видала, не раз,
как тень человека светилась
в окошке в полуночный час...
А ночь бесконечная длилась,
но не угасала свеча,
когда под метельные визги,
от этой свечи трепеща,
летели горячие искры.
В снегами заваленный мир
летели мятежные блики,
и вскоре весь мир осветил
ее огонек невеликий.
Мне помнится, как человек

глядел изучающим взором
на волны стремительных рек,
как он улыбался озерам,
как будто иные года
он видел глазами своими...
В крестьянское сердце тогда
запало российское имя.
Я знала,
готовит побег
мой узник с далекого юга...
Ну что ж, уноси, человек,
с собой имя русского друга!..

* * *

Гуадал пробирался в Апсны,
много раз он сбивался с маршрута,
брел тайгою,
не зная тропы.
Как не сгинул он — сущее чудо.
Гуадала скрывали леса
и щадило сибирское небо.
Бабы русские для беглеца
выносили то мяса, то хлеба.
Об отчизне мечтал человек,
волей превозмогая усталость,
шел ночами сквозь ливни, сквозь снег,
а дорога никак не кончалась.
Донести это имя в груди —
страсть такая жила в человеке!
Сколько гор, сколько рек позади,
то большие, то малые реки.
Там, где можно, он бродом бродил,
нету брода — он вплавь отправлялся...
Волга!
Как он тебя переплыл?
Как решился и не побоялся?
Нынче — просто.
А в те времена,
что в преданьях потомкам остались,
глубина твоя и ширина
бесконечными людям казались.
Я к твоей наклонялся воде,
удивлялся рокочущей силе...
Не могла ты родиться нигде —
только здесь, на просторах России.
Войны не погубили тебя,
ветры знойные не иссушили...
Волга!
Плавная сила твоя
зарождается в глуби и в шири!

Ты одна из всемирнейших вех:
ты ведь помнишь,
как неутомимо
на твоих берегах Человек
думал думы о будущем мира.
Слушай, Волга!
Скажи мне в ответ:
твои волны,
твой стрежень могучий
как сумел одолеть человек,
в сердце трепетном имя несущий?

ГОВОРИТ ВОЛГА

— На сто километров —
один паром.
Как на него попасть,
когда жандармы ходят кругом,
осуществляя власть?
Несколько дней бродил Гуадал
по берегам моим.
В чащах скрывался,
в оврагах спал,
думой одной томим.
Однажды ночью
он вышел из мглы,
вцепился в паромный канат.
От ударов моей волны
канат гудел,
как струна.
Но, смертный страх
отгоняя прочь,
пополз он в ночную тьму.
Ветер
меня раскачал в ту ночь,
и я мешала ему.
Его с головой накрывала волна,
ветер ревел,
как зверь,
как на качелях,
на холм с холма
взлетал он,
но воля была сильна,
была долгожданной цель...
Он выполз на берег...
Холод и мрак...
Ночь как море вокруг,
но впереди путеводный маяк,
но впереди спасательный круг —
земля,
о которой он видел сны,—

его дорогая Апсны!

* * *

Апсны, Апсны!
История твоя
для сердца и ума край непочатый!
Настало время — в тихие края
вступает век железный,
век двадцатый.
Шеренги иноземных кораблей
нахально швартовались у причала
и увозили с родины моей
самшит и мед,
дары ее полей,
труды ее сынов и дочерей,
пока она, печальная, молчала.
О родина!
Поверить нелегко
в то, что абхазец слово человечье
не мог послать куда-то далеко,
коль не было письма и книжной речи.
А мало-мальски мыслящих сынов
в силки и в сети, как зверей, ловили,
чтоб сгинули они среди снегов...
Что было слышно?
Плач крестьянских вдов
да тяжкое дыханье малярии.
Тот, кто хотел,
тот и терзал тебя:
носители чиновничьих мундиров,
авантюристы,
торгаши,
князья...
Досель ты помнишь,
родина моя,
тоскующие песни махаджиров!*
Апсны, Апсны!
Ответь на мой вопрос:
когда твой сын измученный вернулся,
к тебе припал,
заплакал,
улыбнулся —
в миг сладкой встречи что он произнес?

ГОВОРИТ АБХАЗИЯ

— Он ко мне возвратился другим,
и таким я его не видала:
одержимый желаньем одним...

Слушай дальше судьбу Гуадала!
Он коня оседлал в тот же день
и помчал во владения князя.
Князь был болен.
Он высох как тень.
Опечаленных родичей стая
в черных бурках стояла вокруг,
словно чуя,
что тучи сгустились
над владеньями ихними...
Вдруг —
конский топот...
Они поразились:
предводителя рода, главу...
кто посмел?..
Но, раздвинув толпу,
Гуадал обратился к больному:
— Расскажи, как живешь, Алмасит?
— Это кто же со мной говорит?
— Гуадал!
— Как ты смел?
Вон из дому!
Погоди!
Я еще поднимусь!
Вот тогда поглядим, что ты скажешь!
— Нет, владыка!
Я честью клянусь:
для меня ты — мертвец,
ты не встанешь! —
И взлетел он, как птица, в седло,
словно молния, плетка блеснула,
следом — счастье ему помогло —
пронеслась запоздалая пуля.
Он скакал.
Зеленели леса.
Пели птицы.
Весна наступала.
Ни угрозы, ни ночь, ни гроза
не могли задержать Гуадала.
Имя Ленина нес землякам
Гуадал,
и оно разносилось и, как эхо, —
по всем деревням,
по Абхазии всей прокатилось!

** Махаджиры — абхазцы, переселенные в Турцию.*

Ломиа Константин
(Кумф Ширинович)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСТРЕЧИ

М., «Советский писатель», 1971, 144 стр. План выпуска 1971 г. № 261. Редактор Г. Г. Валиков. Худож. редактор Е. Ф. Капустин. Техн. редактор А. И. Мордовина. Корректор И. Ф. Сологуб. Сдано в набор 6/I 1971 г. Подписано к печати 30/III 1971 г. А 04050. Бумага 70x108 1/32 № 1. Печ. л. 4 1/2 (6.30). Уч.-изд. л. 3,61. Тираж 10 000 экз. Заказ № 70. Цена 40 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

(OCR — Абхазская интернет-библиотека, http://apsnyteka.org/.)